

УДК 81-112+811.161.1'04

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛОЖНЫХ ПРЕТЕРИТОВ В ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНЕЙШЕЙ ПОРЫ

О.Ф. Жолобов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с историей претеритов в русском языке, что остаётся не вполне ясной. Этим объясняется актуальность исследования. Центральное место в истории форм прошедшего времени играл так называемый перфект. Цель – рассмотреть проблематику, которая относится к статусу и семантике перфекта в древнерусском языке в ранний период. Для достижения этого автором решаются следующие задачи:

- а) дан историографический анализ термина «перфект» при использовании его в палеославистике и индоевропеистике;
- б) представлен критический обзор взглядов исследователей на функционально-семантическую природу древнеславянского перфекта;
- в) проанализировано функционирование перфекта в ряде древнерусских источников;
- г) выдвинута новая гипотеза образования славянского перфекта и природы его исходной семантики.

В исследовании использовались описательный, диахронический и дискурсивно-прагматический методы. Анализ ранних источников, представленный в статье, не подтверждает выводов о раннем превращении перфекта в универсальную форму прошедшего времени. Приведённые данные указывают на то, что перфект первоначально обозначал события в прошлом, реальность которых удостоверяется в акте речи, в настоящем времени.

Ключевые слова: древнерусский язык, историческая грамматика, так называемый перфект, функционирование сложных претеритов, памятники письменности

В связи с изучением категории аспектуальности и вариативности глагольных форм в последние годы вопросы истории и функционирования индикативных форм, прежде всего претеритных, все чаще становятся предметом научной дискуссии (см. [1, с. 200–224; 2, с. 199–200; 3, с. 31–32; 4, с. 127–135; 5–7; 8, с. 93–97; 9, с. 826–829; 10, с. 316–326; 11–13]). По понятным причинам большое внимание при рассмотрении эволюции глагольных категорий и форм отводится истории так называемого перфекта – с разной глубиной описания, обусловленного масштабами затрагиваемого материала и типом интерпретации (см. [10, с. 327–330; 14, с. 69; 15, с. 281–282; 16–19]). Внимание исследователей прежде всего привлекают функционирование и превращение так называемого перфекта в универсальный претерит.

Смеем предположить, что здесь важны обе составляющие историко-лингвистических штудий: и последовательное накопление данных, и их содержательная интерпретация, которая может приобретать значительные расхождения. Для научной дискуссии необходимо, чтобы те или иные идеи, несмотря на их потенциальную гипотетичность, прозвучали, нежели остались неизвестными. Так, правильность введения термина «перфект» в палеославистические исследования вызывает большие сомнения. А.М. Кузнецов недавно продемонстрировал источник традиции использования термина. Он установил, что термин был введён Францем Миклошичем. «Первым сложную форму *есмь* + *-ль* назвал латинским термином *перфект* параллельно с составным *прошедшее совершённое действие* (среди описательных глагольных форм) Франц Миклошич в своей *Vergleichende Grammatik der slavische Sprachen* (1852–1874)», – пишет А.М. Кузнецов [19, с. 54]. «Однако Миклошич, – замечает учёный, – никаких доказательств в пользу такого определения не привёл» [20, с. 274]. Это создало в то же время некую иллюзию родства понятия с особым явлением индоевропейского грамматического строя, хотя хорошо известно, что индоевропейский перфект у славян не сохранился, за исключением единственной медиально-перфектной формы *вѣдѣ* ‘я знаю’ (см. [21, р. 308–310]). Перфект – яркий пример того, когда сам термин диктует, навязывает понимание, обусловленное его «инобытием», поэтому, как отмечает А.М. Кузнецов, неудивительно, что «против использования названия *перфект*, равно как и *прошедшее совершённое* по отношению к древней славянской форме *пришьль есмь*, выступал А.А. Потебня. <...> Во-первых, определение *совершённое* ассоциировалось со славянским совершенным видом, а во-вторых, на первом (дописьменном) этапе существования форм типа *пришьль есмь* в них “изображалось событие прошедшее (прич.) по отношению к настоящему (глагол.)”, то есть А.А. Потебня видел в этой форме просто *преднастоящее*» [20, с. 275].

В то же время современные определения славянского так называемого перфекта сейчас воспроизводят его понимание в индоевропеистике. Так, согласно О. Семереньи, в индоевропейском «перфект первоначально обозначал являющееся результатом предшествующего действия *состояние в настоящем*; ср. и.-е. **woida* ‘я выяснил и теперь я знаю это’...» [22, с. 313]. Ср. о древнеславянском употреблении: «Для перфекта исходным было значение состояния, возникшего в результате некоторого действия или события; в нормальном случае имеется в виду состояние, существующее в момент речи. Это исходное значение ясно выступает в примерах типа *литва въстала на корѣлоу...*» [8, с. 175]. Каноническим значением перфекта называется обозначение действия в прошлом, «результаты которого сохраняются в момент речи» [23, с. 12–13]. Наряду с этим отмечается, что «древнейшее значение перфекта – значение достигнутого состояния» [23, с. 31]. Свёрнутое обозначение результативности в перфекте, введение значения достигнутого состояния также восходит к исследованиям по индоевропеистике, где оно, однако, признаётся вторичным по отношению к первоначальному классу *perfecta tantum*, который обозначал виды чувственного восприятия, психического состояния, акты говорения и звукопроизводства, являлся моделью для медиопассивных образований [25, с. 100; 26, с. 21]. Семантика

перфекта быстро эволюционирует в сторону повествовательного времени, а неустойчивость форм ведёт к большому числу инноваций [23, с. 25, 56].

Нельзя не признать парадоксальным наделение древнеславянских перифрастических, описательных форм типа *есмь* + *-ль* значениями индоевропейского перфекта, поскольку в формально-грамматическом отношении между ними мало общего. Более того, в состав данных форм входит так называемое «элево» причастие, которое является универсальным компонентом целого ряда аналитических образований: плюсквамперфекта, будущего II, сослагательного наклонения. Значение их определяется комбинаторикой причастий и вспомогательных глаголов, в качестве которых выступают видо-временные формы глагола существования *быти*.

Древнеславянский так называемый перфект только в очень небольшой степени коррелирует с греческим перфектом. В Мариинском четвероевангелии такое соответствие наблюдается лишь в 15 случаях, в то время как в 65 случаях славянский перфект заменяет греческий аорист, ещё в 5 случаях – греческий презенс. В то же время большая часть греческих перфектов в древнеславянском переводе передана аористами [20, с. 277–279]. А.М. Кузнецов вслед за А.А. Потемной и И.К. Буниной и вразрез с устоявшейся традицией рассматривает древнеславянский перфект как относительное преднастоящее время, отрицая его глубокую функциональную направленность на выражение значений результативности или акциональности (выделенности действия, актуального для настоящего) [19, с. 55] (ср. [27]).

Значение разновидности относительного времени – в отношении и в связи с формами презенса – у славянского перфекта приходится, однако, признать слишком сильным обобщением по той причине, что он используется в древности почти исключительно в диалогической и прямой речи (в том числе в таких трансформациях, как несобственно прямая или косвенная речь). Таким образом, перфект обслуживал своеобразный вариант категории эвиденциальности или инференции, имея значение удостоверительности, (прямого или косвенного) свидетельствования или подтверждения. Безусловно, весьма показателен тот факт, что единственный реликт индоевропейского перфекта у славян *вѣдѣ* ‘я знаю’ связан именно с данной функцией. Формы настоящего времени глагола *быти*, входящие в состав перфекта, также соотносятся с ней, выступая в удостоверительных вопросах:

СинП – и гла̑ ки годѣ ли ти ꙗ̑ 91, 1; докрѣ ли ꙗ̑ о̑че · аще идема̑ нѣ къ комуу 112 об., 17–18; и рѣхъ къ немому съдракъ ли ꙗ̑ лѣкъ 113, 19–20;

П – се ли съ̑ колѣзни П 115б, 13–14;

Тр – нѣ ли се̑ югоже иска 147в, 10–11 и под.

В берестяной грамоте № 605 рядом наблюдаются формы аориста *розгнѣкаса* (2 л. ед. ч., с восточнославянской приставкой), имперфекта *мѣлѣлаше* (2 л. ед. ч., в восточнославянской огласовке) и перфекта *не поустиле* (3 л. ед. ч., без связки после подлежащего *нгоумене*, с новгородским окончанием), *пращалѣса* (1 л. ед. ч., без связки после личного местоимения 1 л. ед. ч. ѡ), *посѣлалѣ* (3 л. ед. ч., без связки), *пришла ескѣ* (1 л. дв. ч.), *зконили* (3 л. мн. ч., без связки):

поклананне ѿ ефрѣма къ братоу моему неохѣ
 не распрашаеъ розгнѣбася мене нгоумене не поу-
 стиле а а прашалася нѣ посхлала съ
 асафѣма къ посаданикоу медоу дѣла а при-
 шла ескѣ оли законни а чемоу са гнѣблешн
 а а ксагда оу тебе а соромѣ ми оже ми лихо
 мѣблеше и покланю ти са братаче мон

то си хота мѣлн тѣ еси мон а а ткон ГрБ № 605 (кон. XI – 1-я треть XII в.).

Хотя А.А. Зализняк допускал наличие аориста и имперфекта в живой речи данного периода. Он считает их формы в этой грамоте данью книжному стилю, в то время как в формах перфекта видит уже универсальные формы прошедшего времени [8, с. 174, 271]. Между тем нужно заметить, что формы 2 л. ед. ч. аориста и имперфекта являются большой редкостью в книжном языке и употребляются обычно с личным местоимением или после обращения [20, с. 281]. Употребление аориста и имперфекта в грамоте, таким образом, не соответствует книжному канону, как и её синтаксическая структура. Кроме того, хорошо заметно, что формы аориста и имперфекта, с одной стороны, и формы перфекта – с другой, несут разную дискурсивно-прагматическую нагрузку. Они оформляют различные сюжетные линии эпистолы. Аорист и имперфект образуют сюжетную канву, связанную с действиями адресата послания, в то время как перфекты от первого лица описывают действия автора. Формы перфекта имеют удостоверительное прошедшее значение, свидетельствуют о реальном ходе событий в прошлом.

В берестяных грамотах в целом как документах прямой речи или её трансформаций, трудно было бы ожидать иных форм, помимо перфектов. Напротив, в текстах, опирающихся на нарративный тип дискурса, перфекты наблюдаются сравнительно редко. Тем не менее и в летописи перфекты долгое время встречаются лишь вне нарративной линии. А.А. Зализняк отмечает, что первый пример нарративного употребления в Новгородской первой летописи датируется записью 1333 г., а в Лаврентьевской летописи – 1285 г. [8, с. 173]. Именно это время имело бы смысл считать точкой отсчёта в развитии перфекта как универсальной претеритной формы. Видеть в употреблении перфектов универсальные формы претеритов в более ранних записях было бы ошибкой. Так, перфекты традиционно включены в речь от первого лица в рассказе об охоте из Поучения Владимира Мономаха и имеют удостоверительное, подтвердительное значение, а вовсе не значение нового универсального прошедшего (ср. [26, с. 565]). См.: ... со ѿцама локна исма кскъ зкѣра а се к Чернигокѣ дѣла исма конь дикнѣ сконма рукама сказала исма ... имала исма сконма рукама тѣ же кони дикнѣ тѣра ма к метала на розкѣ и с конемъ волна ма вадина кола а к лоси вадина ногами топта а другѣи рогома кола керъ ми на керѣ мечъ ѿтала медкѣда ми у колѣна подякла оукусила лутѣи зкѣра скочила ко мнѣ на керѣ и конь со мною поверже и бѣ небрежена ма свабде и с коня пада голоку си розки дважди и руцѣ

и поꙋѣ скон кередиѣ. въ оуности своен кередиѣ не влюда жикота сконго. ни щадѣ голокѣ своен ЛЛ 82 об.–83 (под 1096 г.).

Перерыв перфектной цепочки нейтральными формами абсолютного прошедшего – аористами – не означает равенства претеритных форм, а является ключом перехода к новому топосу, новой тематической линии в прямой речи рассказчика (см.: покерже, съблюде, падаѣ, розкиѣ, кередиѣ). Вместе с тем обращают на себя внимание морфонологические характеристики перфектных и аористных форм, а именно:

а) бóльшая морфонологическая сложность потенциальных форм перфекта (покерже vs покергѣ);

б) морфонологическая близость аористных и потенциальных перфектных форм (падаѣ vs падалѣ; розкиѣ vs розкилѣ; кередиѣ vs кередилѣ).

Формы последнего типа обладают лёгкой взаимобратимостью при суффиксальных менах. Такие параллели демонстрируют неоспоримые преимущества перфектов, в которых используется лишь один суффиксальный показатель *-л-* с родовыми флексиями, в то время как суффиксальные показатели аористов варьируются и усложняются личными флективными показателями: 1 л. ед. ч. кереди-х-ѣ, 2–3 л. ед. ч. кереди-ѡ-ѡ, 1 л. дв. ч. кереди-х-ѡѣ, 2–3 л. дв. ч. кереди-с-га, 1 л. мн. ч. кереди-х-ѡмѣ, 2 л. мн. ч. кереди-с-те, 3 л. мн. ч. кереди-ш-а. Неслучайно общность основ на гласный при образовании аориста и перфекта, а также морфонологическая близость и взаимобратимость аористов и перфектов вызвала эффект так называемого «безэлевого» перфекта: ѡ ни погла кси ГрБ № 99 (сер. XIV в.); кси ѡдода ГрБ № 311 (XV в.) и др. (см. [8, с. 144]). По существу, в этих случаях выступает комбинированная форма перфекта-аориста. Модель чистой основы (= аорист 2–3 л. ед. ч.) со связкой вместо единой формы на *-лѣ* проникает и в 1 л. ед. ч. – къѡ ксмѣ ГрБ № 482 (2-я половина XIII в.), хотя А.А. Зализняк отказывается видеть связь данного образования с аористом [8, с. 144]. Отмеченное явление, как представляется, может указывать на конкуренцию перфектов и более простых форм с той же основой – обобщённых аористных форм с нулевыми суффиксом и окончанием. Подобная форма отмечается также в Троицком сборнике XII–XIII вв.: покрѣ кси отѣ зѣла СбТр 200 (см. [28, с. 22]). Морфонологическая связь аориста и перфекта нашла выражение в истории болгарского языка, в котором так называемый пересказывательный аорист образуется от аористой основы с помощью суффикса *-л-* и совпадает с перфектом (см. [29, с. 169]).

П.В. Петрухин, рассматривая претериты в Новгородской первой летописи, отмечает, что перфект практически не используется в повествовательной функции. Исключение составляют примеры так называемого ретроспективного перфекта, которые сближают его с плюсквамперфектом и создают условия для конкуренции перфекта и плюсквамперфекта [16, с. 13]. Он не считает возможным связывать эту функцию с естественным развитием исходного «канонического» значения, поскольку соотносит его с результативностью и актуальностью, в то время как ретроспективный перфект данными особенностями не обладает, однако, как было показано выше, результативность и актуальность были лишь

контекстуальными версиями значения и для канонического употребления перфекта. Ретроспективный перфект, согласно П.В. Петрухину, исключительная принадлежность самого летописного текста. Разграничение подобного типа перфекта и плюсквамперфекта он соотносит прежде всего с их дискурсивно-прагматическими и коммуникативными характеристиками: если перфект передаёт известное знание, то плюсквамперфект – новое; если перфект имплицитно предполагает двусторонние отношения рассказчика и читателя с апелляцией к их знаниям, то плюсквамперфект связан с чистым планом истории [16, с. 15]. Полагаем, что отмечаемая в указанном исследовании связь с передачей известного знания и диалоговый характер перфекта отчётливо коррелируют с указанными выше исконными значениями перфекта: удостоверительным, свидетельствования, подтвердительным, – которые прочно ассоциированы с актом речи.

В текстах повествовательного типа перфекты встречаются очень редко. В таком показательном источнике, как Житие Феодосия Печерского (конец XI – начало XII в.) (далее – ЖФП), обнаруживается всего лишь 13 перфектов. Плюсквамперфектов насчитывается в два раза больше – 27, что подчёркивает расхождение дискурсивно-прагматического характера между сложными претеритами. Все формы плюсквамперфекта 3 л. ед. ч., что также существенно отличает их от форм перфекта. Вместе с тем их общая частотность не идёт ни в какое сравнение с частотностью собственно нарративных претеритных форм: так, в ЖФП представлено около 380 имперфектов. Полагаем, что, являясь одним из древнейших оригинальных текстов, оно передаёт реальное распределение претеритных форм в древнерусском языке раннего периода. Неслучайно ярким своеобразием отличается в нём употребление имперфектов, которые принято связывать с приметой сугубо книжной речи. ЖФП характеризуется как необычно большим количеством восточнославянских имперфектов на *-тъ/-ти*, так и перфективных имперфектов.

Для плюсквамперфекта обычным в ЖФП является употребление с системно-грамматическим значением преждепрошедшего времени: оца же наша дедоси | ѣѣше сице запретила | кратярю · да по отъѣдени обѣда да не ѡбразакъ | кратъ никоумоуже 40б, 6–10; и кѣа соушана ажѣ ѣѣ искоупила | кѣ костянтини градѣ · икони и ино ѣже на потрекоу · пожелѣкѣ тоуда | де же самѣ тоу же и то пожелѣкѣ къдати ѣѣженоумоу 41б, 23–28; Тѣмаже и ѡще | къто ѡ стадо стада ра|слабѣла | ѣѣ срѣцама ѡндаше | ѡ манастыра · | то же блаженн кго ради кѣ келницѣ печали и скърки коудашѣ 49в, 10–16; Кѣ семоу | же блаженому нѣколи | прикеша разкоиникѣ | сѣвѣзанѣ · и хѣже ѣѣ | ша или кѣ ѣдинома | селѣ манастыраскѣ 50г, 10–15; испекоута кѣ моуцѣ тон · | ѣмаже ѣѣ прѣже рекѣ | не имамѣ 52г, 1–3; ѡнѣ же кѣ далше са яко и помелѣ | ѣѣ | соусѣкѣ 54г, 9–11; подкизаше са о задани | и цркви · ѣже ѣѣ | ѣлже | нѣи начала | къдати 66б, 2–4 и др.

Чаще всего плюсквамперфекты в ЖФП выполняют функцию объяснительно-пояснительного прошедшего и встречаются большей частью в придаточных предложениях причины: и тако оустрами | са кѣ къквоу городоу · | ѣѣ ко слѣшала | о манастырихѣ тоу соушникѣ 31а, 4–7; она же видѣ | къши сна скогю

вѣ тако|вѣи скарби соуща • вѣ ко оу|же лице не҃го измѣнило сѧ вѣтѣ
многааго не҃го троу|да и въздаржаниа 32в, 28–32г, 1; вѣ ко оу|же свѣзкоу|пило
сѧ братиа ако до па|ти на десѧте • прпѣбани| же антонии якоже вѣ о|вѣзкла
ѣдиниѣ жити и| не трапѧ вѣнакого мате|жа и мѣлѣи • затвори сѧ вѣ| ѣдиной
келии пещерѣи 35в, 27–35г, 2; нѣ вѣна| принимаше сѣ вѣнакѣма| оу|срднѣма вѣ ко
и самѣ| вѣ искоушении тома вѣи|лѣ • якоже и вѣше рече сѧ 37в, 13–17; се
сѣш|шавѣ онѣ оу|жасе сѧ ѡ| проповѣдании прпѣб|нааго • не вѣ ко никомѣ|же о
тома вѣзвѣстнаѣ 48б, 10–16; тольми ко| вѣ и вѣраѣ раждагѣ гнѣ|вѣма на
брѧта своѣго •| яко ни слоухѣма хотѣ|ше того сѣшати 60б, 14–18; вѣ ко|
прѣ|же того днѣ вѣи|лѣ оу| не҃го • и вѣдѣлѣ колѣста| не҃го тажакоу соу|щу 64в,
12–15; вѣ ко тѣ по оу|сз|пении вѣлаженнааго •| ѿ мѣста своѣго пришлѣ • вѣ
манастѣра тѣ 67а, 6–9 и др.

В ЖФП представлены следующие контексты с формами перфекта:

(1) Бл҃гдарю тѣ бл҃дко мои| ... яко сѣподови|лѣ мѧ кѣи недостоинааго
сѣповѣдателя| вѣти сѣтѣнма| тѣонма вѣгоданикомѣ 26а, 14–19;

(2) и се҃го ради пооу|шашети| и мѣти не҃го да облечѣтѣ сѧ вѣ| одежу чистоу
• наипаче же| якоже и сѣшала вѣ кѣже| кѣта сѣтворилѣ 30в, 17–21;

(3) уюдѧ сѧ кѣмоу сѣла|вѣаше вѣга глагола • о колѣнко бл҃гостѣнна тѣома|
ги| яко показала кѣи тѣлѣ свѣтѣлааникѣ вѣ мѣстѣ| семѣ • прпѣб|нааго се҃го
моу|жа 39г, 28–40а, 2;

(4–5) онѣ же сѣ клѣткою извѣща сѧ • яко и кѣше свѣ|тѣ затвореномѣ
соу|щемѣ| коротомѣ и ѿтолѣ нѣсма и|хѣ ѿвѣрзала и никтоже| приходилѣ кѣ
нимѣ 45б, 4–9;

(6) вѣ чѣто се клименте кѣже овѣща ми сѧ да|ти • и нѣсѣ ми далѣ •| нѣ
се нѣнѣ гла| ти •| потѣши сѧ свѣрѣши|ти овѣщаниѣ своѣ 48а, 7–12;

(7) гла томѣ| вѣлаженѣи парѣвѣкѣ| брѣте клименте изнѣ|сѣ сѣ сѣоѣ
евѣн҃глинѣ • кѣже имашѣ вѣ па|зоу|сѣ| своѣи • и кѣже овѣщала кѣи да|ти сѣтѣи
бѣи • ти тогда сѣдемѣ • се сѣш|шавѣ онѣ оу|жасе сѧ ѡ| проповѣдании
прпѣб|нааго • не вѣ ко никомѣ|же о тома вѣзвѣстнаѣ 48б, 5–16;

(8) то| же нѣсма тако сѣла|вѣка| брѣшана вѣкоу|шала •| якоже нѣнѣ сѣде
48в, 10–18;

(9) тѣма же по вѣсѣ ноши молаше сѧ кѣ| боу| гла •:| Яко тѣи нѣнѣ кѣи
бл҃дко| свѣзкоу|пила вѣ мѣсто се •| и дѣше годѣ ти кѣта жити| намѣ вѣ немѣ
• боуди| намѣ помощаникѣ и| податель вѣсѣма бл҃гѣ|нимѣ 55б, 31–55в, 5;

(10) Тѣгда же оу|же| побелѣ свѣрѣти вѣсю| братию • и кѣже вѣ сѣлѣ|хѣ
и|ли на иноу коу|ю по|трѣ|воу шлѣ 62а, 25–29;

(11) И се по сѣмотрению вѣжию| повѣлачило сѧ не҃го и сѣ|ниде дѣжда 64в,
31–64г, 1;

(12) и кѣше же и вѣ сѣлѣ|хѣ| тѣхѣ вѣста гобино •| и вѣ скотѣ|хѣ же
при|плодѣкѣ • якоже нѣсѣта вѣило николиже 64г, 21–25;

(13) *г̃ла к̃д̃д̃к̃| о̃че ꙗко с̃т̃ѣ ꙗси и се кр̃к̃|м̃а присп̃ѣло ꙗста · по̃т̃ѣши с̃а мола к̃д̃доу| н̃ѣсанаго · и да изъави|т̃а ма ѿ напасти с̃ея* 65б, 10–15.

Абсолютно преобладает исходный тип употребления перфектов, обозначающих прошедшие события в контекстах с прямой речью, в актах речи: (1) – 2 л. ед. ч.; (3) – 2 л. ед. ч.; (4–5) – 1 л. ед. ч. и 3 л. ед. ч.; (6) – 2 л. ед. ч.; (7) – 2 л. ед. ч.; (8) – 1 л. ед. ч.; (9) – 2 л. ед. ч.; (13) – 3 л. ед. ч. Как пример трансформации прямой речи в описательно-косвенную после глагола речевого воздействия *покал̃к̃* (*схвд̃рати*) может быть истолкован контекст (10).

Строгий характер употребления перфекта подчёркивается следующими закономерностями:

- глагол-связка с отрицанием всегда употребляется в препозиции;
- *ꙗси* – в постпозиции в контекстах с вокативом, за исключением (3), где в роли подлежащего выступает личное местоимение;
- при субстантивном или местоименном подлежащем возможен пропуск связки в 3 л., в том числе при пропуске подразумеваемого подлежащего (2), (10).

Как и в древних переводах Евангелия, перфект коррелирует с формами настоящего времени, обозначая состоявшееся событие, о котором свидетельствуется, которое удостоверяется или подтверждается в настоящем – в акте речи. Вместе с тем это же свойство перфекта допускает его употребление рядом с абсолютным прошедшим – аористом и имперфектом, а также с относительным прошедшим – плюсквамперфектом. Ср. аорист и перфект в одном контексте с прямой речью, см. (6): *ꙗже об̃к̃ща ми с̃а да|ти · и н̃к̃си ми дад̃а* ЖФП 48а, 7–9. Значение свидетельствования, удостоверения, подтверждения в настоящем, в акте речи о событии в прошлом, в частности, подчёркнуто выражено контекстуально и лексически в (4–5) и в (13): *с̃а клат̃ко|ю изък̃ща с̃а* ЖФП 45б, 4–5; *к̃д̃д̃к̃ ‘я знаю’* ЖФП 65б, 10 и под.

Особого внимания заслуживают контексты (11) и (12), в которых рядом находятся формы 3 л. ед. ч. аориста и перфекта: *пошк̃лачило с̃а vs с̃аниде* ЖФП 64в, 32–64г, 1; *к̃ѣста vs н̃к̃|ста к̃ѣло* ЖФП 64г, 22, 24–25. Перфект здесь напоминает ретроспективный тип, о котором шла речь в работе П.В. Петрухина при рассмотрении данных Новгородской первой летописи. На наш взгляд, эти контексты, наряду с упомянутыми, можно считать ключевыми для прояснения семантики перфекта, фоном для которого являются соседние аористные формы. Перфект, в отличие от аориста, обозначает состоявшееся событие, о котором свидетельствуется, которое удостоверяется или подтверждается в настоящем времени, в акте речи нарратора. Особенно очевидно указанная функция выступает в контексте (11), поскольку автор удостоверяет, свидетельствует о том, что цепь событий была вызвана промыслом Божиим, была неслучайной, а происходила по *с̃амотр̃енн̃ю к̃ѣн̃ю* ЖФП 64в, 31.

Показателен также контекст (2), где перфект следует после плюсквамперфекта, обозначая фактически предшествующее ему действие, однако на самом деле плюсквамперфект *с̃ѣшала* *к̃к̃* лишь подчёркивает удостоверительный характер последующей перфектной формы *ꙗже ꙗста с̃ѣткорил̃а* ЖФП 30в, 20, 21.

Таким образом, древнеславянский перфект воспринял семантическую двусложность индоевропейского перфекта, которая получила эксплицитное выражение в аналитической двусложности самой формы (в индоевропейском языке двусложность перфекта носила синтетический характер и выражалась редупликацией). Вместе с тем содержательная сторона перфекта была трансформирована, поскольку презентный компонент семантики, получивший лексико-грамматическое выражение в глагольной связке, соотносился с непосредственным актом речи и на фоне абсолютного прошедшего и других так называемых «элевых» форм приобретал удостоверительный, подтверждающий или свидетельский характер в настоящем при упоминании состоявшегося события в прошлом. В определённой степени укоренение в научной традиции термина «перфект» в этом смысле можно считать оправданным. Перфект и плюсквамперфект сообщают о событиях в прошлом, характеризуя вместе с тем информацию о событии в прошлом как удостоверительную или пояснительную. Связь так называемых «элевых» форм с характером передаваемого сообщения естественно согласуется с развитием на их основе пересказывательного наклонения в болгарском языке, в котором, однако, акцент перенесён на значение косвенного свидетельствования и знания (см. [29, с. 48–55]), которое отдельно не выделялось в древних описательных формах претеритов, хотя и было представлено в ранних источниках.

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 15-04-00283).

Источники

- ГрБ – Новгородские грамоты на бересте // *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. – М.: Яз. славян. культуры, 2004. – С. 227–695.
- ЖФП – Житие Феодосия Печерского // *Успенский сборник XII – XIII вв.* / Подгот. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон. – М.: Наука, 1971. – Л. 26а–67в.
- ЛЛ – Лаврентьевская летопись (1377 г.) // *Полное собрание русских летописей: в 43 т.* – М.: Яз. рус. культуры, 1997. – Т. 1. – 496 с.
- П – Паренесис Ефрема Сирина, 1269–1289 гг. (РНБ, Погод. 71а) / Подгот. О.Ф. Жолобов, Л.А. Москалева // *ИАС «Манускрипт».* – URL: <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54>, свободный.
- СбТр – Троицкий сборник, XII – XIII вв. (РГБ, Тр. 12) / Подгот. О.Ф. Жолобов, О.С. Паймина // *ИАС «Манускрипт».* – URL: <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54>, свободный.
- СинП – Синайский патерик // *Государственный исторический музей. Син. 551. 184 л.;* Синайский патерик / Подгот. В.С. Гольшенко, В.Ф. Дубровина. – М.: Наука, 1967. – 412 с.
- Тр – Паренесис Ефрема Сирина, около сер. XIV в. (РГБ, Тр. 7) / Подгот. О.Ф. Жолобов // *ИАС «Манускрипт».* – URL: <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54>, свободный.

Литература

1. *Живов В.М.* Восточнославянское правописание XI – XIII века. – М.: Яз. славян. культуры, 2006. – 312 с.

2. *Жолобов О.Ф.* О рефлексах инъюнктива в древнерусских книжных источниках // Рус. яз. в науч. освещении. – 2012. – № 1. – С. 194–231.
3. *Жолобов О.Ф.* Презенс-футурум в Троицком сборнике (РГБ, Тр. 12) // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2013. – Т. 155, кн. 5. – С. 30–39.
4. *Жолобов О.Ф.* О рефлексах *ti-* и *t-*форм глаголов в древнерусском языке // Russ. Linguist. – 2014. – V. 38, No 1. – С. 121–163.
5. *Жолобов О.Ф.* О древнерусском имперфекте // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2015. – Т. 157, кн. 5. – С. 28–35.
6. *Жолобов О.Ф.* Простой индикатив в Выголексинском сборнике // Древняя Русь. Вопр. медиевистики. – 2016. – № 1. – С. 91–99.
7. *Жолобов О.Ф.* От праславянского языка к старославянскому: о перфективном имперфекте // Вопр. языкознания. – 2016. – № 3. – С. 64–80.
8. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. – М.: Яз. славян. культуры, 2004. – 872 с.
9. *Крысько В.Б.* Морфологические особенности житийной части Софийского пролога // Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль / Подгот. В.Б. Крысько, Л.В. Проккопенко, В. Желязкова, И.М. Ладыженский, А.М. Пентковский. – М.: Азбуковник, 2011. – Т. II. – С. 798–837.
10. *Пичхадзе А.А.* Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингв. аспект. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2011. – 408 с.
11. *Страхова О.Б.* Аугментный имперфект и две нормы: новый взгляд в свете статистических данных // Palaeoslavica. – 2011. – V. XIX, No 2. – С. 240–293.
12. *Тимберлейк А.* Аугмент имперфекта в Лаврентьевской летописи // Вопр. языкознания. – 1997. – № 5. – С. 66–86.
13. *Stoll S.* On the desinence {-t^(s)} of the Early East Slavic imperfect // Russ. Linguist. – 2000. – V. 24. – P. 265–285.
14. *Жолобов О.Ф.* Древнеславянские списки Паренесиса Ефрема Сирина: новые данные и новые аспекты исследования // Письменность, литература и фольклор славянских народов / XIV Междунар. съезд славистов (Охрид, 10–16 сент. 2008 г.). – М.: Индрик, 2008. – С. 51–73.
15. *Зализняк А.А.* «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. – 480 с.
16. *Петрухин П.В.* Лингвистическая гетерогенность и употребление прошедших времён в древнерусском летописании: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 29 с.
17. *Петрухин П.В.* Экспансия перфекта в древнерусском летописании как типологическая проблема // Исследования по теории грамматики / Под ред. Ю.А. Ландера, В.А. Плуменяна, А.Ю. Урманчевой. – М.: Гнозис, 2004. – Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. – С. 313–329.
18. *Петрухин П.В.* Перфект и плюсквамперфект в Новгородской первой летописи по Синодальному списку // Russ. Linguist. – 2004. – V. 28, No 1. – P. 73–107.
19. *Кузнецов А.* Перфект в Лаврентьевской летописи // VALODA–2013. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums XXIII. – Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds “Saule”, 2013. – С. 53–62.
20. *Кузнецов А.М.* Перфект и другие претериты в прямой речи на материале Мариинского евангелия // Acta Slavica Estonica V. Труды по русской и славянской филологии XVI. Антропоцентризм в языке и речи / Отв. ред. И.П. Кюльмоя. – Тарту: Тартуский ун-т, 2014. – С. 273–284.

21. *Žolobov Oleg*. Present tense forms variability in the Paroemiaron Zacharianum d. 1271 (to the parchment internet-edition) // *Z. Slawistik*. – 2016. – В. 61, Н. 2. – С. 305–321.
22. *Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание. – М.: Прогресс, 1980. – 408 с.
23. *Перельмутер И.А.* О первоначальной функции индоевропейского перфекта // *Вопр. языкознания*. – 1965. – № 1. – С. 92–100.
24. *Перельмутер И.А.* Становление категории времени в системе индоевропейского глагола // *Вопр. языкознания*. – 1969. – № 5. – С. 11–21.
25. *Kurilowicz J.* The inflectional categories of Indo-European. – Heidelberg: Carl Winter, 1964. – 246 p.
26. *Шевелёва М.Н.* О некоторых глагольных формах в «Поучении» Владимира Мономаха и языке Киева на рубеже XI – XII вв. // *Slověne*. – 2005. – № 1. – С. 564–577.
27. *Маслов Ю.С.* Перфект // *Лингвистический энциклопедический словарь*. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С. 372.
28. *Паймина О.С.* Языковые особенности Троицкого сборника XII – XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2012. – 24 с.
29. *Маслов Ю.С.* Очерк болгарской грамматики. – М.: Изд-во лит. на иностр. языках, 1956. – 292 с.

Поступила в редакцию
15.08.16

Жолобов Олег Феофанович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и прикладной лингвистики

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: ozolobov@mail.ru

ISSN 1815-6126 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2016, vol. 158, no. 5, pp. 1234–1245

Functioning of Composite Preterites in the Ancient Literary Heritage

O.F. Zholobov

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: ozolobov@mail.ru

Received August 15, 2016

Abstract

The paper deals with certain issues of the preterite history in the Old Russian language, which is still unclear and, thus, of high importance. The so-called perfect forms occupy the central place in the history of past tense forms. The purpose of the paper is to consider certain issues related to the perfect status and semantics in the Old Russian language of the early period. To achieve this purpose, the following tasks have been fulfilled: a) historiographic analysis of the term “perfect” in palaeoslavistics and Indo-European linguistics has been carried out; b) critical review of the researchers’ opinions on the Old Slavonic perfect functional-semantic nature has been given; c) the perfect functioning in some Old Russian

sources has been considered; d) a new hypothesis of the Slavonic perfect formation and the nature of its original semantics has been given. The study uses the descriptive, diachronic, and pragmatic-discursive methods. The term “Perfect” was first introduced by Franz Miklosich. It was borrowed from the Latin grammar and did not correspond to its nature in the Old Slavonic sources. Nevertheless, the term consolidated in the historical slavistics. As a rule, the Slavonic perfect is interpreted in the same way as the Indo-European one, which the Slavs did not preserve. It is defined as an action in the past, the result of which is preserved in the present. This definition has been disproved by the fact that the so-called perfect was originally used among the Slavs only in the direct speech, not always having a resultativeness value. The analysis of the early sources performed in the paper has not confirmed the conclusions about early transformation of the perfect into the past tense universal form. The provided data indicate that the perfect originally referred to the events in the past, the reality of which was verified in the act of speech, in the present tense.

Keywords: Old Russian language, historical grammar, so-called perfect, composite preterite functioning, literary heritage

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Foundation for Humanities (project no. 15-04-00283).

⟨ *Для цитирования:* Жолобов О.Ф. Функционирование сложных претеритов в памятниках древнейшей поры // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 5. – С. 1234–1245. ⟩

⟨ *For citation:* Zholobov O.F. Functioning of composite preterites in the ancient literary heritage. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 5, pp. 1234–1245. (In Russian) ⟩